

На правах рукописи

Курицына Анна Вячеславовна

**СИНТАКСИС ТОХАРСКИХ ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ
АСПЕКТЕ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2021

Работа выполнена в Отделе языков народов Азии и Африки ФГБУН Института востоковедения Российской академии наук (Москва).

Научный руководитель: **Иткин Илья Борисович**
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки ФГБУН Института востоковедения РАН, доцент Школы лингвистики Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Официальные оппоненты: **Русаков Александр Юрьевич**
доктор филологических наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований ФГБУН ИЛИ РАН

Циммерлинг Антон Владимирович
доктор филологических наук, главный научный сотрудник Лаборатории филологических исследований Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, ведущий научный сотрудник Сектора типологии ФГБУН Института языкознания РАН

Ведущая организация: ФГБУН Институт восточных рукописей РАН

Защита состоится 17 февраля 2022 г. в 12:00 на заседании диссертационного совета Д 002.006.03 при Институте языкознания РАН по адресу: Москва 125009, Б. Кисловский пер. д.1, с.1, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН по адресу: Москва 125009, Б. Кисловский пер. д.1., с.1, а также на официальном сайте Института языкознания РАН по адресу: <https://iling-ran.ru/web/ru/theses/kuritsina>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2021 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

М. Б. Коношенко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предмет настоящего исследования составляют ранее не изученные (или изученные неполно) явления тохарского синтаксиса, связанные с групповой аффиксацией и функционированием нефинитных глагольных форм:

- оформление сочиненных именных групп предлогами и адъективизирующими суффиксами;
- употребление ряда отглагольных форм в совпадающих синтаксических функциях: «активного» и «медиального» причастий настоящего времени в функции атрибутива, «активного» причастия настоящего времени и тох. В имен деятеля в субстантивной функции;
- синтаксис абсолютных конструкций и содержащих их предложений.

Цель диссертации заключается в исследовании и описании указанных явлений и сравнении их реализации в двух близкородственных языках – тохарском А и тохарском В. Также предпринимается попытка анализа некоторых из рассматриваемых явлений в типологическом и ареально-лингвистическом контексте. Для достижения сформулированной цели в диссертации решаются следующие **задачи**:

- исследование правил оформления однородных членов предлогами и объяснение случаев реитерации тохарских предлогов; определение различий в союзном употреблении предлога «с» и его вариантов: А *śla*, *ślak*, В *śle*, *śale*, *ślek*; сравнение с употреблением предлогов при конъюнктах в других языках (глава I);
- исследование правил оформления однородных членов некоторыми словообразовательными аффиксами: описание случаев групповой аффиксации при помощи адъективных суффиксов (А *-ši*, *-eṃ*, В *-ṣṣe*, *-tstse* и *-ññe*), объяснение различной степени продуктивности данного явления у тох. В суффиксов; поиск типологических параллелей для описываемой модели аффиксации (глава II);

- анализ случаев атрибутивного употребления «активного» и «медиального» причастий настоящего времени и поиск возможного распределения между обеими формами; сравнение с употреблением причастий на *-nt- и на *-meno- в других индоевропейских языках; типологическая характеристика тохарской системы причастий настоящего времени (глава III);
- изучение употребления «активного» причастия настоящего времени и некоторых имен деятеля в тохарском В и установление возможных правил выбора между ними (глава IV);
- анализ употребления абсолютных конструкций и структурных особенностей содержащих такие конструкции предложений; поиск функциональных параллелей в древнеуйгурском (глава V).

При этом предполагается сопоставление данных обоих тохарских языков, поскольку, несмотря на близкое родство тохарского А и тохарского В, реализация отдельных морфологических и синтаксических характеристик в них может существенно различаться. Ареальное сравнение ограничивается в рамках диссертации привлечением данных древнеуйгурского и некоторых восточноиранских языков.

В работе используются различные **методы** филологического анализа: описание, контекстный анализ, дистрибутивный метод, а также сравнительный и сопоставительный методы.

Исследовательский корпус составляют все доступные для изучения письменные памятники тохарского А и тохарского В языков, опубликованные в электронных проектах SEToM (“A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts”), TITUS (“Thesaurus Indogermanischer Text- und Sprachmaterialien”) и IDP (“International Dunhuang Project”).

Актуальность темы диссертации определяется, с одной стороны, слабой изученностью многих аспектов тохарской грамматики, а с другой стороны, быстрым развитием данной научной области в последние десятилетия: благодаря таким электронным проектам, как SEToM (“A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts”), TITUS (“Thesaurus Indogermanischer Text-

und Sprachmaterialien”), IDP (“International Dunhuang Project”), стали доступны опубликованные ранее и публикуемые впервые тохарские рукописи, что открывает новые возможности для исследований.

Научная новизна работы заключается в том, что синтаксические явления, составляющие предмет исследования, ранее не привлекали специального внимания тохаристов и не были описаны в предшествующих работах. В частности, повтор предлога и групповая аффиксация некоторыми словообразовательными морфемами впервые выявляются как регулярные феномены тохарского синтаксиса и получают осмысление в контексте групповой флексии – как имеющие в основе различную способность аффиксов / адлогов оформлять конъюнкты, зависящую от направления ветвления соответствующей синтаксической конструкции. Устанавливается, что в тохарских языках групповая флексия однородных именных групп распространяется не только на вторичные падежные показатели, но и на ряд деривационных аффиксов.

Кроме этого, в диссертации изучаются синтаксические свойства тохарских нефинитных отглагольных форм. Впервые выявляются факторы выбора между «активным» и «медиальным» причастиями настоящего времени, а в тохарском В – также между «активным» причастием и некоторыми именами деятеля для тех случаев, когда перечисленные формы конкурируют в одной синтаксической позиции. В результате исследования показывается, что тохарские «активное» и «медиальное» причастия, вопреки общепринятому представлению, все же имеют противопоставление по категории залога ~ переходности/непереходности, но только в атрибутивной функции причастий, в то время как прочие синтаксические функции обеих форм не пересекаются и «медиальное» причастие является деепричастием одновременности. В то же время устанавливается, что к классу «активных» причастий настоящего времени в тох. В следует относить не только формы на *-ñsa*, но и формы на *-ausa*, считавшиеся до настоящего времени именами деятеля. Для конструкций с абсолютивом (конвербом предшествования)

определяются правила выбора их позиции в предложении, зависящие от структуры таких конструкций.

Настоящая работа предлагает интерпретацию тохарских языковых явлений в типологическом контексте и делает тохарский материал доступным для типологических и ареально-лингвистических исследований. В этом состоит **теоретическая значимость** диссертации. Ее **практическая значимость** заключается в том, что полученные результаты позволяют дополнить имеющиеся описания тохарской грамматики и могут быть использованы в преподавании тохарских языков. Кроме того, они могут быть полезны при интерпретации как некоторых уже известных документов, так и возможных будущих текстовых находок на тохарских языках.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Тохарские предлоги, управляя однородными именными группами, должны повторяться перед каждой ИГ. Данное правило одинаково для обоих тохарских языков и может нарушаться только в стихотворных текстах, что обусловлено метрически. Повтор предлога, вероятно, является общей ареальной чертой для тохарских и некоторых среднеиранских языков (например, согдийского и бактрийского).

2. Правило повтора предлога противопоставлено групповой флексии и связано с неспособностью предлога как вершины правоветвящейся конструкции управлять несколькими однородными зависимыми в тохарском как языке с преобладающим левым ветвлением.

3. Тохарский В предлог *śle* “с” иногда может употребляться в союзной функции, которая, однако, в сравнении с употреблением этимологически близких союзов *śale*, *ślek* ограничена соединением именных конъюнктов. Для тохарского А предлога *śla* нет достаточных данных, чтобы судить о наличии у него союзной функции.

4. Тохарские адъективные суффиксы (А *-ṣi*, вероятно также *-eṃ*, В *-ṣṣe*, *-tstse* и *-ññe*) могут, подобно вторичным падежным показателям, управлять однородными именными группами (в том числе иногда распространенными).

5. Явление однократного употребления словообразовательного суффикса с однородными ИГ в тохарском следует рассматривать по аналогии с групповой флексией у словоизменяемых суффиксов – как групповую деривацию и как вариант *suspended affixation*. Аналогичная модель образования прилагательных существует в некоторых тюркских языках, в т.ч. в древнеуйгурском.

6. Хотя тохарское «медальное» причастие настоящего времени на А *-māṃ*, В *-mane* (ср. вед. *-māna*, гр. *-μενος*) функционирует преимущественно как конверб одновременности, в случае атрибутивного употребления оно дополнительно распределено с «активным» причастием настоящего времени (РРА): непереходные глаголы используют РРМ, переходные же глаголы используют РРА с активным значением и РРМ с пассивным значением. Такое противопоставление отличает тохарские языки от других индоевропейских, имеющих оба типа причастия: если в последних выбор между РРА и РРМ зависит от залога финитного глагола в презенсе, то в первых – от переходности / непереходности глагола.

7. В тохарском В «активное» причастие настоящего времени на *-ñsa* (РРА) и имена деятеля на *-ausa* имеют одинаковую синтаксическую сочетаемость и распределены в зависимости от презентного класса производящего глагола; таким образом, *nt*-причастия и формы на *-ausa* следует рассматривать как РРА I и РРА II. Возможно также, что имена деятеля на *-iki* представляют собой особый тип РРА для предложений с отрицанием или условием, однако сохранившегося тохарского материала недостаточно для окончательных выводов.

8. Конструкции с тохарским абсолютивом различают две базовых позиции в предложении: препозиция к главным членам (Abs-S(O)V), если абсолютивный оборот содержит сентенциальное местоимение, и

интерпозиция (S-Abs-(O)V) во всех прочих случаях. Это правило, жесткое в тох. А, имеет ряд отклонений в тох. В. Кроме того, абсолютив способен выступать неканонически, что является его уникальным свойством в сравнении с другими предикатами в тохарских языках. В то же время разносубъектные предложения с конвербами предшествования представлены в древнеуйгурском языке.

Объем и структура работы

Диссертация состоит из введения, пяти глав с разделами и выводами по каждой главе, заключения, списка используемых сокращений и условных обозначений, библиографии. Объем диссертации составляет 234 страницы. Список литературы включает 157 работ. Приводимые примеры имеют сквозную нумерацию для каждой главы и глоссируются в упрощенном варианте.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** содержатся краткие сведения о тохарских языках и истории их ареального и типологического изучения, а также приводятся формальные квалификационные характеристики работы: определяются предмет, цель и задачи исследования, перечисляются использованные методы, описывается исследовательский корпус, обосновывается актуальность и научная новизна работы, характеризуется ее практическая и теоретическая значимость; формулируются положения, выносимые на защиту.

В Главе 1 исследуются правила оформления сочиненных именных групп предлогами (А *śla*, В *śle* «с» и А *sne*, В *snai* «без») в собственно предложной (1.1.) и союзной функции (1.2.) последних. В разделе 1.1. (п. 1.1.2.) разбираются все известные автору примеры употребления тохарских предлогов с однородными членами. В подобных случаях предлог может либо повторяться однократно при первом из сочиненных элементов, либо

повторяться перед каждым из них. Например, в тохарском А (примеры 1a-b) и в тохарском В (примеры 2a-b):

1 a) *śla ṣulas ṣtāmāntu*

“с горами и с деревьями” (А 320 а7).

b) *sne rse sne yāslurñe*

“без ненависти, без враждебности” (YQ N.5 а8).

2 a) *snai laiwo ṣpane*

“без отдыха и сна” (В 31 а5).

b) *[ono]lmi snai yrām snai keś snai ṣa(m)ṣāl*

“[сущ]ства без меры, без числа, без счета” (В 169 а4).

Как выясняется в ходе исследования (1.1.2.), на кратность появления предлога не влияет устойчивость словосочетания: среди обнаруженных примеров есть и имена, очевидно составляющие гендиадис, и сравнительно редко встречающиеся вместе термины (например, *pilko snai ptsak sn(ai) reñyai* «взгляд без моргания и без блеска» или *śla ṣulas śla [ri]s waṣtu stāmā[ntu]* «с горами, с городами, домами (и) деревьями»), а при самом гендиадисе предлог может быть как однократным, так и повторяющимся (ср. А *sne rse sne yāslurñe* “без ненависти, без враждебности” и В *snai saim waste* “без приюта и защиты”).

Можно было бы ожидать, что подобное употребление предлогов является калькой с санскрита, но тохарский материал это опровергает. Из найденных нами примеров три (примеры 3-5) имеют сохранившуюся санскритскую параллель. При этом только в одном случае (пример 3) однородные члены с повторяющимся предлогом “без” передают два санскритских композита с префиксом отрицания *a(n)-*, в двух других примерах тохарские однородные предложные группы представляют собой более свободный и избыточный перевод по сравнению с единичными санскритскими определениями *arupi* “бесфоменный” и *atandritam* “неустанный” соответственно, ср.:

- 3 *asaṅgam anapagraham • sn[ai] treṅ[käl] snai krämpālyñetse •*
 непривязанный неотрывный без привязанность без отвлечение
 “Без (суетной) привязанности, без отвлечения” (В 251 b2).
- 4 *ākāśam arupi • ākāś sne arämpātum sne wrātal •*
 воздух бесформенный воздух без вид без форма
 “Воздух без облика, без формы” (А 387 a3).
- 5 *aiśaumiye ceu pällāntār krento āstreṃ śaul*
 мудрец:PL DEM.OBL восхвалять:PR.3PL добрый:OBL чистый:OBL жизнь
śayeñcai wnoḷme: snai laiwo ṣpane
 жить:PPA.OBL существо без усталъ сон
 “Мудрецы его восхваляют (как) существо, живущее добрую, чистую
 жизнь, без устали и сна” (В 31 a5, см. пример 8).

Ср. санскритская параллель (Uv 13.12):

<i>tam</i>	<i>praśaṃsanti</i>	<i>śuddhājīvam</i>	<i>atandritam</i> ¹
DEM.ACC	восхвалять:PR.3PL	чисто_живущий:ACC	неустанный:ACC

В то же время собранный материал демонстрирует зависимость от типа текста: повтор предлога наблюдается и в прозаических, и в стихотворных текстах, а однократное употребление предлога обнаруживается исключительно в стихотворных строках. Поскольку тохарское стихосложение является силлабическим, при котором в основе любого «мотива» (размера) лежит фиксированное количество слогов для каждой строки и для каждой входящей в нее пады², можно предположить, что однократное употребление предлога в стихе связано именно с нехваткой «лишнего» слога для повтора в данной метрической схеме. Подтверждением такого предположения может служить следующий пример:

6	<i>ṣāptāñcām koṃ śla kloṃ wraṣāl / ṣpāt</i>	<i>pā(k ats</i>
	7:ORD.OBL день с:PREP боль страдание	7:CARD часть ЕМРН

¹ [Bernhard 1965: 204].

² От скр. *pāda* “стопа”, метрическая единица стихотворной строки.

la)p wākñā-ci

голова расколоть:KO.1SG-PN.2SG

“На седьмой день со страданием и болью на семь частей голову я расколю тебе” (A 215 b1).

Здесь строка имеет метрическую схему 8/7/7 слогов, и первая цезура (отмечена знаком “/”) следует непосредственно за предложной группой, так что повтор предлога образовал бы лишний, девятый слог. Еще очевиднее влияние метрики в примере 7, где второй предлог сохраняется только потому, что может девокализоваться перед гласным в начале следующего слова (внешнее сандхи отмечено знаком “=”) и в результате не образует лишнего слога:

7   *puttiśparṣās*   *sambhārāntu*   *sne*   *cārka*
достоинство_Будды:ADJ.OBL.PL   собрание:PL   без:PREP   остановка
sñ=   *āñu*   *kropnāmāṃ*
без:PREP   отдых   собирать:PPM

“Приготовления для достоинства Будды без перерыва, без отдыха собирая” (A 405 a1).

Жанровую принадлежность текстов часто затруднительно установить из-за их фрагментарности, но для более или менее сохранных примеров случаи с наличием или отсутствием повтора предлога перед однородными членами распределяются следующим образом:

Таблица 1

	Повтор предлога		Однократный предлог	
	ТА	ТВ	ТА	ТВ
Стихи	5 + 1(?)	9 + 1(?)	7 + 1(?)	7
Проза	4 + 7(?)	6	1	0
Всего	33		16	

Таким образом, в разделе 1.1. выявляется, что в обоих тохарских языках повтор предлога при однородных членах обязателен, а отсутствие повтора связано с метрическими требованиями стихотворной строки. Как показывается в п. 1.1.1., повтор предлога описан для целого ряда других языков, в том числе встречается в некоторых географически близких восточноиранских (согдийском и бактрийском [Sims-Williams 1973: 96; Стеблин-Каменский 1981: 344; Yoshida 2009: 314]), что может говорить об ареальном характере обсуждаемого явления.

В разделе 1.2. анализируется также употребление предлога *A śla*, *B śle* «с» в союзной функции и исследуются различия в употреблении данного предлога и нескольких лексем, считающихся его вариантами (*A ślak*, *B śale*, *ślek*; ср. [Thomas 1979; Hacktsein 1997; Kim 2014] и др.) в тохарском В (1.2.1.) и тохарском А (1.2.2.). Показывается, что на синхронном уровне каждого языка рассматриваемые формы, несмотря на общее происхождение, не могут считаться вариантами одной лексемы, имея функциональные расхождения. А именно, предложная функция характерна только для формы *śle*, в союзной же функции все три варианта имеют различия в употреблении: *śle* может сочинять только однородные члены предложения, а *śale* – только предложения, для *ślek* же характерно смешанное употребление.

В **Главе 2** исследуется способность некоторых тохарских адъективных суффиксов выступать морфосинтаксической вершиной сочиненных ИГ. В обоих тохарских языках хорошо известны случаи адъективации подчинительных групп некоторыми продуктивными суффиксами прилагательных (тох. А *-um*, *-ši*, *-em*, тох. В *-ṣṣe*, *-tstse*, *-ññe*; см. подробнее [Бурлак, Иткин 2013: 438-439; Zimmer 1982/83; Adams 2009; Hajnal 2004]). В настоящей работе показывается, что по крайней мере некоторые из данных суффиксов (в первую очередь А *-ši*, В *-ṣṣe*, но редко также А *-em*, В *-tstse* и *-ññe*) могут присоединяться и к сочиненным группам.

В подавляющем большинстве примеров на описанную модель адъективации представлен суффикс А *-ši*, В *-šše*, ср. тох. А (8) и тох. В (9) примеры:

8 *kus ne ārkisoššaṃ k(ā)wältune ciñcroneši wākä(m) š[e](š)*
кто EMPH мир:LOC красота нежность:ADJ образец быть:IPF.3SG
“Кто же был образцом красоты и нежности в мире” (А 175+178+ТНТ 2968.g a5³).

9 *atiyai piśäl melte orašše puwar*
трава:OBL шелуха навоз дерево:ADJ огонь
“Огонь из травы, шелухи, навоза и дерева” (В 194 b1).

Но встречаются также отдельные примеры с другими суффиксами. Так, в тохарском А удалось обнаружить случай оформления сочиненных ИГ суффиксом *-eṃ* (Pl. *-eñi*):

10 *(sne yä)rm sne tem kinnareñ gandharveñi lāñś*
без мера без число киннара:NOM.PL гандхарв:ADJ.NOM.PL царь:NOM.PL
“(Бесчисленные) и бессчетные цари киннаров и гандхарвов (увидели Майтрею)” (YQ II.9 b3). Здесь суффикс *-eṃ* (Pl. *-eñi*) присоединяется к ед.ч. существительного *gandharv** “гандхарв, полубог” (ср. Nom.Pl. *gandhārviñ*, Acc.Pl. *gandhārves*), однако семантически он относится к обоим существительным, причем во множественном числе (более подробная дискуссия данного примера приводится в п. 2.3. диссертации).

В тохарском В имеются единичные примеры с суффиксами *-ññe* (11) и *-tstse* (12):

11 *śaḍvarginta yasa ñkante wrākaiññeṃ wmera*

³ Соединение согласно [Иткин 2019: 21].

шадварга:PL золото серебро перламутр:ADJ.OBL.PL украшение:PL

makci priyeṃ

сам:NOM.PL носить:IPF.3PL

"Шадварги⁴ сами носили украшения (из) золота, серебра, перламутра"
(PK AS 18A a2).

12 *snai trenkäl snai krämpālyñetse*

без привязанность без отвлечение:ADJ.NOM

"Без суетной привязанности, без отвлечения" (B 251 b2).

Эти и некоторые другие примеры обсуждаются более подробно в п. 2.4.

Хотя во многих подобных случаях адъективируются т.н. «парные имена», не всегда отличимые от композитов, удастся обнаружить ряд примеров, говорящих о синтаксической самостоятельности оформляемых суффиксом элементов (п. 2.2.). Приведем ниже наиболее наглядный из таких примеров (13), где адъективируется цепочка из шести сочиненных групп – наименований медицинских растений, при этом две из таких ИГ (*wi praha(ti)nta* «два паслена» и *klyotaiṣṣana witsaka<ṃ>* «корни якорцев») являются распространенными, с числительным (*wi* «два») и прилагательным (*klyotaiṣṣana* «якорцевые») в качестве модификатора соответственно:

13 *hirant • pilamāti • wi praha(ti)nta • mā(tu)l(uñk pāṣā)ṇa(bhit)•*

клещевина айва 2 паслен:PL цитрон колеус

klyotaiṣṣana witsaka<ṃ>ṣṣe kaṣāy

якорцы:ADJ.PL корень:OBL.PL.ADJ отвар

"Отвар из клещевины, айвы, двух пасленов, цитрона, колеуса ароматного (и) корней якорцев стелющихся" (PK AS 2A a3-5).

Такое употребление перечисленных адъективных суффиксов можно сравнить с групповой флексией у тохарских вторичных падежных показателей, способных присоединяться и к подчинительным, и к

⁴ Шадварги - члены еретических групп буддийских монахов [Adams 2013: 710].

сочиненным группам, ср. тох. В пары слов “голод (и) жажда” (14) и “сомнение (и) страх” (15) с адъективным суффиксом *-ṣṣe* и с показателем перлатива *-sa*:

14	<i>kest yokaiṣṣe</i>	<i>läkle</i> ⁵	vs.	<i>kest yokaisa</i> ⁶
	голод жажда:OBL.ADJ	страдание		голод жажда:OBL.PERL
	“страдание голода и жажды”			“из-за голода и жажды”
15	<i>sklok pr(o)sk(aiṣṣe or)k(a)mñe</i> ⁷		vs.	<i>sklok proskaisa</i> ⁸
	сомнение страх:OBL.ADJ	мрак		сомнение страх:OBL.PERL
	“мрак сомнения и страха”			“из-за сомнения и страха”

В работе предлагается считать обсуждаемый тохарский феномен вариантом *suspended affixation*⁹ и обозначать его, по аналогии с групповой флексией, как групповая деривация. Таким образом, набор аффиксов, которые могут управлять сочиненными группами в тохарских языках, значительно шире – это не только словоизменительные, но и отдельные словообразовательные показатели. Нужно подчеркнуть, что суффикс А *-ṣi*, В *-ṣṣe* отличается исключительной продуктивностью в данной словообразовательной модели, в то время как примеры на оформление сочиненных ИГ прочими суффиксами единичны: в ТА обнаружено 7 примеров на суффикс *-ṣi* и один пример на суффикс *-em*; в ТВ – более 20 примеров на суффикс *-ṣṣe* и по одному примеру с суффиксами *-tstse* и *-ññē*. Возможные причины особенной продуктивности суффикса А *-ṣi*, В *-ṣṣe* в групповой адъективации обсуждаются в п. 2.4.

Хотя типология данного явления остается сравнительно малоизученной (п. 2.5.), некоторые параллели можно найти в современном турецком [Akkuş 2016] и прежде всего в ареально близком древнеуйгурском языке. В

⁵ В 284 a2.

⁶ В 286 b3.

⁷ РК AS 17K a1.

⁸ В 409 a1.

⁹ Термин, впервые предложенный в [Lewis 1967] для групповой флексии в сочиненных конструкциях.

последнем такие параллели представлены прилагательными на *-lXg*. Ранее чрезвычайное сходство функций др.уйг. суффикса *-lXg* и тох. суффикса А *-ṣi*, В *-ṣṣe*, в т.ч. способность адъективировать подчинительные конструкции, уже отмечалась в [Erdal 1991: 139-140], но присоединение *-lXg* к однородным членам там подробно не рассматривается, за исключением короткого упоминания о возможности присоединения *-lXg* к «парным словам» (см. [ibid.: 147]). Тем не менее, как показывают некоторые известные нам примеры, древнеуйгурский адъективный суффикс также может управлять более длинными цепочками однородных членов, как в следующей строке, где *-lXg* относится сразу к четырем сочиненным элементам:

16   *ačmak*   *[suvsa]mak busuř*   *kadgulug*   *otin*
           голод   жажда   печаль   забота:ADJ   огонь:INSTR

“(Мучимы) огнем голода (и) жажды, печали (и) заботы” (MaitrHami XX 14 10-11).

Таким образом, оформление сочиненных ИГ может быть еще одним общим и, вероятно, ареально обусловленным свойством тохарского суффикса А *-ṣi*, В *-ṣṣe* и древнеуйгурского суффикса *-lXg*.

Глава 3 посвящена особенностям функционирования тохарских причастий настоящего времени на А *-nt*, В *-ñsa* и А *-māt*, В *-mane*. Данные формы традиционно обозначаются как «активная» (РРА) и «медиальная» (РРМ), поскольку они продолжают индоевропейские причастия на **-nt-* и на **-mh₁no* соответственно, хотя в тохарских языках их использование не имеет отношения к залогу производящего финитного глагола, и оба причастия имеют разные синтаксические свойства: форма на А *-nt*, В *-ñsa* в большинстве случаев представляет собой субстантивацию, а форма на А *-māt*, В *-mane* – деепричастие одновременности (п. 3.1.). Вместе с тем, обе формы могут встречаться в атрибутивном и предикативном употреблении, и проблема их соотношения в данных функциях исследуется в диссертации

впервые. В п. 3.2. рассматриваются все выявленные тохарские А и тохарские В контексты с определительными РРА (3.2.1.) и РРМ (3.2.2.) и показывается, что в атрибутивной функции данные причастия имеют залоговые различия, основанные на переходности/ непереходности производящего глагола: переходные глаголы образуют активные причастия на А *-nt*, В *-ñsa* и пассивные причастия на А *-māt*, В *-mane*, в то время как непереходные глаголы образуют РРМ с активным значением. Данное распределение прослеживается достаточно четко: для переходных глаголов исключений не обнаружено вовсе, а на непереходные атрибутивные РРА нам удалось найти только по одному примеру в тох. А и в тох. В, оба – от глагола А / В *käly-* “стоять”. Показательным оказывается также сравнение распределения залоговых значений у атрибутивных и деепричастных РРМ, образованных от переходных глаголов (п. 3.2.2.4.): если определительные РРМ от переходных глаголов имеют пассивное значение в 6 из 6 случаев (3 в тох. В и 3 в тох. А), то деепричастные РРМ от переходных глаголов демонстрируют пассивное значение только в 4 из более чем 70 случаев в тохарском А и ни разу среди примерно 60 случаев в тохарском В.

В п. 3.3. анализируются также некоторые доступные контексты, где причастия выступают в предикативной функции. В целом предикативные формы не показывают такого четкого распределения, как атрибутивные: РРМ, образованные от переходных глаголов и имеющие активное значение, оказываются допустимыми. Делается предположение (п. 3.5.), что на выбор между РРА и РРМ, помимо переходности / непереходности, дополнительно влияет агентивность / неагентивность производящего глагола. Это позволило бы объяснить исключения из распределения, сформулированного для атрибутивных причастий, среди примеров на предикативные РРМ, но имеющегося материала оказывается недостаточно для окончательных выводов. Распределение залоговых значений между тохарскими причастиями в различных синтаксических функциях можно представить в следующей таблице:

Таблица №2

	ТА		ТВ	
	РРА	РРМ	РРА	РРМ
Атрибутивно (всего)	21	28	20	13
• vt	20	3 (пассивно в 3)	19	3 (пассивно в 3)
• vi	1	25	1	10
Предикативно (всего)	?	?	18	9
• vt			14	5 (пассивно в 1)
• vi			4	4
Конвербиально от vt		70 (пассивно в 4)		60 (пассивно в 0)

Отдельно нами рассматриваются формы РРА и РРМ от глагола *mäsk-* "быть, становиться" (п. 3.4.), поскольку по крайней мере в тохарском В за обоими его причастиями, РРА *mäskeñca* и РРМ *mäskemane*, закреплено, как показывают примеры, разное лексическое значение: *mäskeñca* встречается только в контекстах с зависимым локативом и имеет значение "пребывавший", а форма *mäskemane* всегда выступает в бытийном значении. Нельзя сделать вывод об аналогичном различии РРА и РРМ от глагола *mäsk-* в тохарском А, так как в восточнотохарском языке известно слишком мало соответствующих контекстов.

В п. 3.5. тохарская система причастий настоящего времени обсуждается в индоевропейской и типологической перспективе. В отличие от тох. А и тох. В, в других древних индоевропейских языках, имеющих активное и медиальное причастие (т.е. в индоиранских и древнегреческом), оба

суффикса строго распределены между глаголами с активной и медиальной парадигмой, а сами PPA и PPM являются синтаксически активными, т.е. ориентированными (в терминологии [Haspelmath 1994]) на субъект переходного и непереходного глагола (A/S), объект же переходного глагола (P) – при наличии в языке пассивного причастия наст.вр., как, например, в балто-славянских языках или санскрите, – релятивизируется отдельно. Тохарская система причастий наст. вр. имеет несколько отличий. Если PPA в общем случае (т.е. в субстантивной функции) ведет себя подобно индоевропейским формам (A/S), то в атрибутивном употреблении соотношение обоих причастий соответствует агентивно-абсолютивной модели (по [Shagal 2019: 75-78]). А именно: атрибутивное PPA релятивизирует субъект переходного и непереходного агентивного глагола (A/Sa); атрибутивное же PPM является абсолютивным (пациентно-ориентированным), объединяя объект переходного и субъект непереходного неагентивного глагола (P/Sp) Что же касается PPM в деепричастной функции, то оно, как показывают изученные примеры, оказывается и вовсе контекстно ориентированным (A/S/P). Отсутствие ингерентной ориентированности по отношению к основным глагольным актантам объединяет деепричастные PPM с другими тохарскими нефинитными глагольными формами – причастиями прошедшего времени и герундивами – и характерно для причастий в ряде языков Евразии, включая некоторые уральские, тюркские и монгольские языки (но не индоевропейские), см. [Shagal 2019: 97-105].

Поскольку в неатрибутивном употреблении “активное” причастие настоящего времени традиционно рассматривается как имя деятеля [Dietz 1981: 3-4, 9-10, 144; Pinault 2008: 616-617; Peyrot 2017: 328-329, 338], возникает вопрос о том, существуют ли какие-либо факторы, определяющие выбор между PPA и собственно именами деятеля (NA) в тохарском В, где к классу последних принято относить до восьми форм (имеющих показатели *-nta*, *-ntsa*, *-uki*, *-uca*, *-aUCA*, а также *-i*, *-a* и *-tse*). Этому вопросу посвящена **Глава 4** настоящей диссертации. В начале главы (4.1.) обсуждается ситуация

в тохарском А, где имена деятеля немногочисленны, имеют единственный показатель *-nt* и формально отличаются от РРА только долготой гласного производящей основы. В разделе 4.2. исследуется более сложная ситуация в тохарском В. Обращается внимание на существование контекстов, в которых различия между причастиями и именами деятеля (во избежание путаницы мы продолжаем придерживаться в диссертации общепринятых обозначений рассматриваемых форм) остаются неясными, как, например, в двух следующих примерах, где РРА (*tanmaşşeñca* и *keşşeñca*) и НА (формы на *-uki* и на *-auca ~ -oca*) появляются в одной рукописи и притом в схожем синтаксическом окружении:

17 Текст В 197:

a) *tarya vedantats putkau tanmaşuki vişai mā nesäm*

3:CARD ведана:PL.GEN отделение породить:NA сфера_чувств NEG быть:PR.3SG

“Сфера чувств не порождает различение трех ведан...” (строки b3-b4).

b) *sak tanmaşşeñca mäsketrä*

счастье породить:PPA быть:PR.3SG

"(kakse-объект в теле) порождает удовольствие" (строки b4-b5).

18 Текст В 295:

a) *po lläklenta keşşeñcai*

весь страдание:PL убивать:PPA.OBL

“Уничтожающий все страдания...” (строка a9).

b) *pontämntso akalkänta kürstoca*

весь:GEN.PL желание:PL обрывать:NA

“(Монстр смерти,) обрывающий желания всех (существ)” (строки b2-3).

Осуществляется анализ морфологических характеристик (4.2.1.) и синтаксической сочетаемости (4.2.2.) РРА и пяти наиболее частотных тох. В имен деятеля (с показателями *-nta*, *-ntsa*, *-uki*, *-uca*, *-auca*). В результате удается установить, что формы на *-auca* в действительности представляют собой РРА II и находятся в дополнительной дистрибуции к РРА I

(причастиям на *-ñca*) в зависимости от презентного класса производящего глагола: глаголы с назальным исходом основы настоящего времени (классы VI и VII) образуют причастие от основы конъюнктива (такие глаголы почти всегда имеют класс V конъюнктива) и с помощью суффикса *-auca*, в то время как все прочие глаголы образуют причастие на *-ñca* от основы презенса. Ср. выбор формы *keṣṣeñcai* vs. *kārstaUCA* ~ *kārstoca* в приводившихся выше примерах 18a и 18b:

- PPA I *keṣṣeñca* < *kes-* “убивать”, 2 кл. презенса, 3sg pr *kesām*
- PPA II *kārstoca* < *kārst-* “обрывать”, 6 кл. презенса, 3sg pr *karsnaṃ*

Исключение составляют только три глагола презентных классов II и IX, которые имеют одновременно обе формы (на *-ñca* и на *-auca*). Два из этих глаголов являются супплетивными и имеют конъюнктив класса V:

- *āk-* ~ *wāy-* “вести” (Pr II *āk-*, Ko V *wāy-*, Pt Ib *wāy-*) > PPA *āseñca* и NA *wayauca*
- *lāk-* ~ *pālk-* “видеть” (Pr IX *lāk-*, Ko V *lāk-*, *pālk-*, Pt Ib *lāk-*, *pālk-*) > PPA *lkāṣṣeñca* и NA *pālkaUCA*

Третий глагол, *kālp-*, супплетивным не является и имеет класс конъюнктива VI, однако его принадлежность к этому классу должна быть вторичной [Malzahn 2010: 408]. При этом вероятно также, что инновацией для него является и класс презенса IX (предположение делается на том основании, что в тох. А глагол *kālp-* имеет основы Pr VI, Ko V, Pt I):

- *kālp-* “получать” (Pr IX, Ko VI, Pt Ia) > PPA *kālwāṣṣeñca** и NA *kālpauca*

Таким образом, форма *kālwāṣṣeñca* должна была появиться уже после замены Pr VI > Pr IX, и данный глагол, вероятно, не является реальным исключением из наблюдаемого распределения между PPA и NA на *-auca*.

Далее выявляется, что отдельные имена на *-uca* могут, подобно именам на *-auca*, встречаться в атрибутивной функции, но остается неясным, должны ли эти формы рассматриваться в рамках одного типа или же отдельно, поскольку группа на *-uca* слишком малочисленна и в то же время неоднородна в отношении синтаксических характеристик входящих в нее

форм. Кроме того, на основе изучения примеров в п. 4.2.2. делается предположение, что имена на *-uki* также могли быть особым типом РРА, используемым в предложениях с условием или отрицанием. Однако в настоящее время известно слишком мало контекстов с данными НА, чтобы сделать окончательные выводы.

Если формы на *-ausa* являются РРА II, то на них должно распространяться правило распределения атрибутивных РРА и РРМ, предложенное в Главе 3, то есть формы на *-ausa* в атрибутивной функции должны быть образованы от переходных и/или агентивных глаголов. Такая проверка проводится в п. 4.2.3. и показывает, что интерпретация форм на *-ausa* как РРА II не противоречит выводам, сделанным в Главе 3.

В п. 4.3. подводятся итоги проведенного в Главе 4 исследования. Высказывается предположение, что связь форм на *-ausa* с назальными классами VI и VII презенса с одной стороны и с классом V конъюнктива с другой имеет единое происхождение: абсолютное большинство глаголов презентных классов VI и VII имеют конъюнктив кл. V, так что употребление суффикса *-ausa* вместо *-ñsa* при глаголах с назальным презенсом могло быть переосмыслено как правило употреблять суффикс *-ausa* вместо *-ñsa* при глаголах с конъюнктивом кл. V. Делается вывод, что данное правило было обусловлено стремлением избежать последовательности из нескольких назальных в конце глагольной основы и суффиксе. Диссимиляцией могут, по нашему мнению, объясняться также отдельные формы на *-ausa/-usa*, не принадлежащие к классам VI-VII презенса, но фактически имеющие назальный исход производящей основы (это *rännausa* вместо **ränneñsa* у глагола *ränn-* “тянуть”, Pr II, а также преобладание формы *unīsa* над *uneyisa* у основы *un-* глагола *u-* “идти”, Pr I).

Отмечается, что описанная ситуация является уникальной для тохарского В, поскольку в тохарском А имена деятеля малочисленны и имеют значительно более узкую синтаксическую функциональность, чем причастия. В то же время, предлагается частичное сравнение с образованием

отглагольных имен (SV) на *-l-une* в тохарском А. Такие имена обычно образуются от герундива (AV) II, восходящего к основе конъюнктива, но некоторые глаголы, среди которых также супплетивный *läk- ~ pälk-* “смотреть”, образуют дополнительную форму, т.н. SV II, от AV I, восходящего к основе презенса [Бурлак, Иткин (в печати): 4.2.4.4.-4.2.4.5.].

В конце главы (4.4.) приводится полный список тохарских В форм *nomina agentis* и PPA, рассматривавшихся в данной главе.

В **Главе 5** исследуется порядок слов в предложениях, содержащих конструкцию с абсолютивом¹⁰ (абсолютивный оборот, АО). По своей функции в предложении АО соответствует деепричастному обороту со значением предшествования (“сделав X”) [Thomas 1960; Pinault 2008: 612-613; Бурлак, Иткин 2013: 429, 473]. Хотя АО очень частотны в текстах обоих тохарских языков, синтаксис содержащих их предложений до настоящего времени специально не изучался.

В рамках нашего исследования было найдено 94 контекста с АО в тохарском А и 63 контекста в тохарском В, которые анализируются в пп. 5.1. и 5.2. соответственно. В результате было установлено, что в обоих тохарских языках конструкции с абсолютивом различают две базовых позиции в предложении:

✓ **Интерпозиция (S-Abs-(O)V)**: в нормальном случае АО занимает позицию между подлежащим и сказуемым (5.2.1.):

19	<i>tane plaktu(kä)ñña</i>	<i>brāhmaṇeṃ</i>	<i>lyelyakormeṃ</i>
	тогда привратница	брахман:OBL.PL	видеть:ABS
	<i>kercīyenn(e)</i>	<i>yopsa</i>	
	дворец:LOC	войти:PT.3SG	

¹⁰ Абсолютивом в тохаристике называется нефинитная глагольная форма, фактически представляющая собой существительное, образуемое от причастия прошедшего времени (PPt) с помощью суффикса *-r* и стоящее в падежной форме аблатива (тох. А *-äṣ*, тох. В *-meṃ*). Например:

- тох. А *klyos*- “слышать” > PPt *kaklyuṣu* > *kaklyuṣur** > Abs *kaklyuṣuräs*;

- тох. В *klyaus*- “слышать” > PPt Nom. *keklyauṣu*, Obl. *keklyauṣo-* > *keklyauṣor* > Abs *keklyauṣormeṃ*.

При этом речь идет об Abs I. Более редкий абсолютив II (с показателем перлатива, тох. А *-ā*, тох. В *-sa*), в диссертации специально не рассматривается.

“Тут привратница, **брахманов увидев**, во дворец вошла” (В 81 b3-b4).

- ✓ **Препозиция к главным членам (Abs-S(O)V)**: если АО содержит синтаксическое местоимение, выполняющее функцию анафорической отсылки к предыдущему тексту, то такой АО регулярно перемещается в препозицию по отношению к подлежащему, оказываясь в самом начале предложения (5.2.2.):

20	<i>täm</i>	<i>kärsoräṣ</i>	<i>ṣuliñi</i>	<i>ñäктаñ</i>	<i>weyeṃ</i>
	SENT	знать:ABS	горный:NOM.PL	бог:NOM.PL	изумленный
		<i>nāmṣuṣ</i>	<i>tränkiñc</i>		
		быть:PPT.NOM.PL	говорить:PR.3PL		

"**Это узнав**, горные боги, изумлены будучи, говорят..." (А 75 a1).

В тохарском А не обнаруживается отклонений от данного распределения. В тохарском В имеется ряд исключений, которые обсуждаются в п. 5.2.3. Выявляется, что все случаи нерегулярного порядка слов в тох. В предложениях с АО представляют собой препозицию АО без анафорической отсылки, но не интерпозицию АО, содержащих такую отсылку. Интересно, что АО, содержащие указательное местоимение, также имеют тенденцию к препозиции в тох. В, но укладываются в сформулированное выше базовое правило в тох. А, оказываясь всегда в интерпозиции.

Как показывается далее в п. 5.3., абсолютив в обоих языках способен выступать неканонически, что является его уникальным свойством в сравнении с другими тохарскими предикатами, например:

21	<i>te</i>	<i>keklyauṣormeṃ</i>	<i>arañemiñ</i>	<i>lānte</i>	<i>pit</i>	<i>maiwāte-ne</i>
	SENT	слушать:ABS	Аранеми:GEN	царь:GEN	желчь	дрожать:PT.3SG-PN.3SG

“Это услышав, у царя Аранеми желчный пузырь задрожал” (В 85 b4-5).

Возможно, допустимость разносубъектности именно для данной глагольной формы связана с тем, что абсолютив, синтаксически функционирующий как глагол, морфологически является существительным.

В п. 5.4. сравниваются глагольные конструкции со значением предшествования в некоторых ареально близких языках и обращается внимание на то, что разносубъектные предложения с конвербами предшествования представлены также в древнеуйгурском языке, например:

22	<i>kim</i>	<i>ymä</i>	<i>tängri</i>	<i>tängrisi</i>	<i>burxan</i>	<i>nirwanqa</i>	<i>b(a)rmišta</i>
	REL	CNJ	бог	бог:IZ	Будда	нирвана:DAT	идти:PTCP.LOC
	<i>kin</i>	<i>šazanta</i>	<i>uluγ</i>	<i>asaγ</i>	<i>tusu</i>	<i>qiltilar</i>	
	затем	дисциплина:LOC	большой	польза	выгода	создавать:PT.3PL	

“(Я преклоняюсь перед величием тех,) которые, **после того как бог богов Будда ушел в нирвану** (букв. “в нирвану уйдя”), затем принесли дисциплине большую пользу...” (MaitrHami Einleitungskapitel 12b 1-3).

В п. 5.5. обобщаются результаты, полученные в данной главе. Делается вывод, что наблюдаемое в 5.2.1. и 5.2.2. распределение указывает на стремление к расположению анафорического элемента в тексте непосредственно после его антецедента. Данная тенденция вполне ожидаема и с типологической точки зрения: порядок слов в предложениях с конвербиальными оборотами во многих языках в значительной степени определяется «семантическими и дискурсивно-прагматическими соображениями, такими как временная и логическая иконичность» [Tikkanen 2001: 1118].

Еще раз отмечается различная степень жесткости сформулированных правил в тохарском А и тохарском В. Природа таких различий непонятна, так как они не вытекают из грамматического строя обоих языков. Высказывается предположение, что строгость правил в тох. А обусловлена некоторой его "искусственностью": почти все известные тох. А тексты являются

религиозными сочинениями, а кроме того, не исключено, что тохарский А мог быть мертвым языком к моменту его письменной фиксации [Mallory 2010: 48].

Полученные результаты можно представить в следующей таблице:

Таблица №4

		ТА	ТВ
		94	63
Всего контекстов			
Интерпозиция АО	без анафорического элемента	46	18
	с сентенциальным местоимением	0	1
	с указательным местоимением	5	2
Препозиция АО	без анафорического элемента	2	8
	с сентенциальным местоимением	37	14
	с указательным местоимением	1	7
Постпозиция		2	4
Неканонический Abs		6	9

В **Заключении** перечисляются и обобщаются основные выводы каждой из глав диссертации. Замечается, что настоящая работа может стать одним из шагов в направлении составления сопоставительных грамматик для языков тохарского ареала, а также представлять интерес для исследований по типологии синтаксических заимствований.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Публикации в изданиях из перечня ВАК и Scopus:

1. Курицына А.В. Еще раз о союзной функции тохарских слов А *śla*, *ślak*, В *śle*, *śale*, *ślek* // Индоевропейское языкознание и классическая филология XX (1) – СПб: Наука, 2016 – сс. 559-572.
2. Kuritsyna Anna V. Tocharian B manuscripts 498 and PK AS 3A: Two parallel medical texts // Manuscripta Orientalia 23 (1) – St. Petersburg, 2017 – pp. 54-60.
3. Kuritsyna Anna V. Suspended affixation with Tocharian adjectival suffix А *-ši* / В *-šše* and its possible parallel in Old Uighur. // Вопросы языкового родства 16 (3-4), РГГУ – Институт языкознания РАН, М., 2018 – сс. 265-276.

Прочие публикации:

4. Kuritsyna Anna V. Preposition Repetition in Tocharian // Indo-European Linguistics 4 – Brill, 2016 – pp. 190–208 – URL: <http://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/22125892/4/1>
5. Курицына А. В. Лингвистическая задача «В стихах и прозе» на материале тохарского А и тохарского В языков // XLVI Московская традиционная Олимпиада по лингвистике: Задачи. II тур – М., 2016.
6. Itkin Ilya B., Anna V. Kuritsyna & Sergey V. Malyshev. Tocharian A text ТНТ 1331 and the “Höllenskapitel” of the “Maitrisimit nom bitig”: some more remarks // Tocharian and Indo-European Studies 18 – Museum Tusulanum Press, 2017 – pp. 71-82.
7. Itkin Ilya B. & Anna V. Kuritsyna. Chapter XX of “Maitreyasamiti-Nāṭaka” and its hellish sufferings: the fragment ТНТ 1308.a1 // Tocharian and Indo-European Studies 18 – Museum Tusulanum Press, 2017 – pp. 63-70.
8. Itkin Ilya B. & Anna V. Kuritsyna. Again on nomina agentis in Tocharian B: some new observations. // Tocharian and Indo-European Studies 20 – Museum Tusulanum Press, 2020 – pp. 83-106.